

В воротах чуть не столкнулся с Игором.

— О, работничек пожаловал! Чумазый-то какой, — обрадовался он, пропуская меня внутрь. — А я как раз баньку протопил. Поди, попарься перед сном.

— Александер, — Глинда выглянула из дома, отряхивая испачканные в муке руки о передник, — одежду оставь в предбаннике, я потом постираю.

— Хорошо.

И как у неё сил на всё хватает? Я прошёл вокруг дома на задний двор. И увидел Хильд в том же облачении, что и при первой встрече — в кирасе и с мечом на поясе. Она стояла неподвижно, и только по блеску глаз её можно было отличить от манекенов.

— Что случилось? — спросил я, озираясь в поисках угрозы. Даже усталость мигом испарилась.

— Собираюсь на рыбалку, — шепнула Хильд, подмигнув. — На живца буду ловить.

Шутница хренова. Я выдохнул и спросил:

— У вас тут настолько опасная рыба водится?

— Не то слово, — хихикнула валькирия.

Ну, раз смеётся, значит всё в порядке. Да и вообще, хочет она в таком виде рыбу ловить — её дело. А мне бы сейчас помыться, поесть и спать завалиться. Чем я, собственно, и занялся. Правда, мыться пришлось в потёмках, пока не пришёл Игор со свечами. Одноногий в этот раз не стал делать мне массаж, зато отхлестал берёзовыми вениками от души. На кухне Глинда оставила для меня ужин — большую тарелку с тушёной капустой, в которой попадались даже крошечные кусочки мяса, половину каравай хлеба и литровую кружку с вчерашним пивом. Не знаю как, но всё это в меня влезло.

Пожелав Игору и Глинде спокойной ночи, я отправился спать в тот же сарай.

...

Только-только лёг спать на лавку в сарае — и внезапно обнаружил себя стоящим в полной темноте. Да ещё и сжимающим в руках чьё-то хрипящее басом горло. Попробуй тут отличить сон от яви.

Пальцы разжались, обмякшее тело выскользнуло из них на земляной пол. «Хоть бы не Игор! Хоть бы не Игор!» — пронеслось у меня в голове, пока я наощупь пытался определить, кого это я так неприветливо встретил. Ну, по крайней мере ног у моей несчастной жертвы было две. Кожаные сапоги, штаны из плотной ткани, куртка с карманами, большой плащ. И пустые ножны на ремне. Шагнув в сторону, я наступил на что-то твёрдое и холодное. Наклонился, поднял — длинный кинжал. Или короткий меч. Только сейчас я понял, что слышу снаружи крики, топот, и звяканье металла о металл. Причём один из голосов был мне знаком.

Хильд.

Ноги сами вынесли меня из дровяника во двор, залитый лунным светом. Пусто. Куда бежать? Где идёт бой? На той стороне дома? Я бросился туда, сжимая в руке трофейный кинжал. Только бы успеть! Только бы не опоздать!

Вот они!

Хильд отмахивалась мечом от двух фигур в странных, искривляющих пространство плащах. Третий нападавший корчился на земле, пришпиленный копьём. Я заорал и с размаха запустил кинжалом в ближнюю ко мне фигуру в плаще.

Не знаю, чему я больше удивился — тому, что попал точно в голову, или тому, что попал наверху рукоятки. В любом случае, удар свалил нападавшего, а через секунду Хильд в два удара отрубила последнему оставшемуся на ногах врагу руку с кинжалом и голову.

— Ещё двое где-то здесь! — крикнула мне валькирия, на ходу тыкнув поверженного мной противника мечом в горло.

— Один в сарае, — я вздрогнул, увидев с какой лёгкостью Хильд оборвала жизнь человека, — убитый.

— Значит, последний остался.

Изнутри дома раздались девичьи визги и грохот падения чего-то тяжёлого. Хильд моментально рванула в дверь на кухню. Я же не смог сдвинуться с места.

Лунный свет придавал картине прошедшей схватки оттенок сюрреалистичности. Отрубленная голова. Растекающаяся лужа крови из тела рядом. Хрипы пригвождённого копьём человека. Густой запах крови, отдающий вкусом железа на языке.

На ватных, негнущихся ногах я подошёл к хрипящему. Присел рядом с ним на корточки. Копьё пробило его живот точно посередине, задев позвоночник. Раненый дышал часто, со всхрипами. Он схватился руками за копьё, как утопающий хватается за соломинку, и смотрел на меня. Что было в его взгляде? Ненависть? Надежда? Страх? Я не мог понять.

— Не знала, что тебе так нравятся страдания врагов, — услышал я голос Хильд позади. Она вышла из двери с ещё одним телом на плече.

— Что?

— Я же вижу, как ты ему в лицо смотришь, агонией упиваешься, — хмыкнула девушка, — аж глаза горят! Такой кровожадности я даже у орков не видела.

— Я не...

Это что, похвала такая? Или шутка? Лучше сменить тему.

— Глинда и Марта целы? — спросил я.

— Да. Мимо Игора никому не пройти. Ни человеку, ни упырю.

Хильд сбросила тело наземь, рядом с обезглавленным. Пнула ко мне кинжал, которым я свалил нападавшего.

— Добей.

Раненый задышал ещё чаще. Он протянул ко мне руку, но та бессильно упала на землю. Из его глаз потекли слёзы, смешиваясь с кровью изо рта. Я поднял кинжал. Этот человек пришёл сюда в ночи явно не для того, чтобы подарить цветы и извиниться за прошлый раз. Нет. Он

пришёл сюда нас убить. А теперь молит о пощаде. Глупо. Он всё равно умрёт, через пять минут или через полчаса. Что ему дадут эти минуты, полные боли? Убить его — вот настоящее милосердие.

Кинжал выпал из моей руки. Одно дело убивать врагов в сражении, и совсем другое — казнить беспомощных. Не могу так.

— Извини, Хильд.

Валькирия усмехнулась. Подошла к хрипящему на земле врагу и вонзила в его горло меч. Раненый дёрнулся и затих.

— Пойдём, проверим того что в дровянике, — Хильд взмахнула мечом, стряхивая кровь.

Пока мы шли вокруг дома, я успел спросить:

— Откуда ты знала, что упыри нападут?

Хильд рассмеялась.

— Если разворошил осиное гнездо, осы прилетят. Я вообще думала, что они ещё вчера нападут, но, похоже, пожар в лесу их задержал.

— Так они пришли за мной? — в голове щёлкнуло, кусочек мозаики встал на место. — А, так вот о какой ловле на живца ты говорила. Наживка — это я?

— Ага. С того места на опушке, где они устроились, хорошо виден сгоревший дом. Тебя они должны были разглядеть, хоть по одежде узнать своей.

— То есть ты знала, где они находятся, и всё равно позволила на себя напасть?

— А то! Как иначе со всеми сразу справиться? — мы дошли до сарая и Хильд замедлила шаги.

— Я же не умею становиться невидимой. Так, базовые иллюзии, и только в неподвижности. Можно было, конечно, напасть на них в лесу... Но зачем? Вот, сами пришли в гости.

Хильд прыгнула в сарай, и через несколько секунд вытащила оттуда обмякшее тело последнего из нападавших.

Последнего ли?

— Ты уверена, что их всего пятеро?

— Угу. Пусть эти упыри и невидимые, но следы они оставляют самые настоящие. Пятеро. Ну-ка поддержи.

Она пихнула обмякшее тело упыря мне в руки, а сама вытащила из-за пояса короткий жезл. Подняла над головой.

В глаза мне брызнул яркий дневной свет.

— Держи-держи, не отпускай, — крикнула мне Хильд, и я поднял врученное мне тело повыше, заслонясь от ослепительного после ночного мрака света.

— Предупреждать надо! — крикнул я в ответ. Глаза слезились, как после того странного удара

молнии.

— Зачем предупреждать? Ты же великий перерождённый предок. Ты что, не узнал светяшку?

— Какую ещё светяшку, ты о чём?

Смех в ответ.

— Это ещё ничего не доказывает, — услышал я голосок Марты. — Он мог и притвориться, что первый раз её видит. Добить своего подельника он отказался же.

— Перед этим запустил в другого кинжалом.

— Случайность. Наверняка хотел попасть в тебя.

— А эти следы от пальцев ты видела? Посмотри, шея сломана!

Я наконец-то сморгнул все слёзы и смог хоть что-то различать. Марта, лохматая, в своём вечном балахоне, пристально разглядывала тело, которое я держал в руках.

— Всё равно ничего не доказывает. Опустни ниже, — скомандовала она мне. — Так-так-так, этот рахитик ещё жив. Хильд, поддержи ему голову. И пригаси свет, глазам больно!

Валькирия отвела руку со светяшкой за спину, схватила болтающуюся голову упыря за волосы и потянула вверх.

— Замри! — пальцы Марты пробежались по шее упыря, оставляя тускло-красные следы. — Вот и всё.

Тело забилося в моих руках, то ли пытаюсь вырваться, то ли в агонии. Я крепче сжал руки и подался назад, чтобы дёргающиеся в воздухе руки не задели Марту.

— Да держи ты его крепче! Хильд, свети! — Марта и не подумала отходить. Наоборот, она вцепилась в воротник плаща ожившего человека и завизжала ему прямо в лицо:

— Сколько вас осталось? Как до вас добраться? Как зовут того, кто вас сюда послал? Говори! Говори, а то хуже будет!

— А-а, ы-а-а.

— Ты его знаешь? — Марта повернула голову нападавшего так, что чуть снова не свернула ему шею. Но зато теперь он мог видеть меня одним глазом. Как и я смог опознать в нём одного из тех людей в чёрном, сидевшего рядом со мной на свадьбе в Убежище позавчера. Позавчера? Такое чувство, что неделя прошла.

— Кто это? Имя!

— Але... Александр! — прохрипел допрашиваемый.

— Ну вот, — Марта отпустила голову упыря, отряхнула руки и будничным тоном продолжила, — вина доказана. Они заодно.

— Спасибо, дорогая, — хихикнула Хильд, и медленно, почти нежно, повернула голову нападавшего к себе. — Дальше я сама.

Валькирия почти без замаха ткнула светяшкой в челюсть пленника.

— Всё, можешь отпускать, Александр.

Упырь, как только я его отпустил, повалился на землю. Мёртв?

— Ты его убила? — спросил я Хильд, спокойно уходящую к воротам.

— Вырубил. Оставляй его здесь, Игорь им займётся. Можешь идти дальше спать.

Ага. Уснёшь тут, после всего, что случилось. Сердце в груди билось сильно и часто, руки и ноги подрагивали. Дыхание становилось всё глубже. Хотелось то ли на луну выть, то ли пнуть лежащее передо мной тело.

Марта уже ушла. Кроме лежащего без сознания упыря, во дворе осталась только Хильд. Которая, между прочим, использовала меня как приманку! Играла мной втёмную, хотя меня чуть не убили во сне! Да что с ней не так? Я открыл рот, чтобы высказать хозяйке дома все претензии — но меня отвлек появившийся из-за угла дома Игор.

— Александр, если тебе не в тягость, поможи мне с телами.

— Я тебе что, носильщик? — рявкнул я, — Нашли мальчика на побегушках! Делай то, делай сё, построй дом, добей врага, унеси, закопай! Что ещё сделать надо? Цветочки на могиле посадить?

— Не сможешь так не сможешь, чего кричать-то, — Игор даже попятился, — я ж просто спросил, чего ты...

— Пшёл вон!

Игор отшатнулся, чуть не упал, и скрылся в темноте, бурча под нос. А я схватился за голову. Да что со мной такое? За что я на него так накинулся? Я задышал как паровоз, как будто в прохладном ночном воздухе мне резко стало не хватать кислорода.

— Александр! — из-за приоткрытых ворот высунулась Хильд, — подойди-ка.

Что ещё? Я подошёл к воротам, к скрытой в их тени валькирии. И получил болезненный удар по носу.

Ну всё. С меня хватит. Сейчас эта воинственная дура огребёт! За косички оттаскаю, как школьницу! Я рванул за ворота — за убегающей от меня по улице девушкой. Под ногами застучали камни мостовой, сменившиеся утрамбованным песком улицы, а затем — рыхлой землёй убранного поля. И так до самого леса.

Вбежав под тень огромного клёна, растущего на границе с полем, я остановился. Куда она делась? Как умудрилась бежать быстрее меня — в броне и с оружием? Я опёрся на ствол, переводя дух и утирая пот со лба рукавом. Со злости ударил кулаком в толстый ствол: кости неприятно захрустели, а ствол покосился.

— Успокоился? — Хильд вышла из-за дерева слева, почти невидимая в темноте. — Или подерёмся?

Вся моя ярость, весь гнев и запас язвительных слов выветрились, пока я бежал. Вместо этого на меня навалился стыд. За что я наорал на Игор? Зачем хотел ударить Хильд?

— Не будем, — я привалился спиной к клёну. — Не знаю, что на меня нашло.

— Бывает, — Хильд рассмеялась. — Я после боя тоже иногда слетаю с катушек. Помогает вот так пробежаться. Или избить кого-нибудь. Или... хм, ладно... Ты... Ты точно не хочешь подраться?

— Точно.

Я ждал, что она рассмеётся, как обычно. Но валькирия только подошла ко мне и хлопнула по спине.

— Спасибо.

— За что?

— За помощь. Переоценила я себя. Хотела разобраться со всем этим сама. Раньше, чем они смогли бы добраться до кого-нибудь ещё. Это всё плащи, тьма их поberi. Из-за них провозилась слишком долго. И вообще, они должны были разделиться, а не переть напролом к нам домой.

— С чего ты решила?

— Я бы так сделала. Отправила бы двоих людей поджигать дома, а сама напала бы в начавшемся хаосе на лидера. Это же классический приём, которому на первом курсе нас учили.

— Сомневаюсь, что у тех ребят есть курсы, — я отлип от дерева и поёжился. Рубаха отсырела, и в совсем нежаркой ночи неприятно холодила тело.

— Глупо лезть всем в одно место, это же не атака фалангой! Чем они думали? — Хильд, кажется, обиделась на плохую подготовку врагов. — Не надо быть великим стратегом, чтобы знать основы, любой сержант такие вещи понимает! А эти гады не одну деревню уничтожили, почему они... Хотя, если боевой дух низкий, лучше вместе держаться. Но эти упыри — элита, и вдруг испугались ночного рейда?

Я прокашлялся.

— Может, вернёмся?

Валькирия посмотрела на меня долгим взглядом, вздохнула и покачала головой. Что я опять не так сказал?

— Подожди, посмотрю, что упыри тут оставили, — Хильд вытащила из-за пояса уже знакомый мне жезл. — Прикрой глаза.

В магическом свете на жёлто-оранжевом ковре из опавших листьев мы нашли четыре заплочных мешка. Похоже, налётчики напали на Тихань налегке. Я взял по два в каждую руку и пошёл вслед за освещающей дорогу Хильд.

— Почему ты не добила Влада?

— Кого?

— Пленника.

Хильд рассмеялась.

— Не хотела расстраивать Марту. Она же только его вылечила. Да и завтра пригодится — покажет дорогу к их гнезду, расскажет, как пройти сквозь молнии. А там уже и добить можно.

— Ты собираешься в их Убежище? Зачем?

— Чтобы убить там всех.

Оставшуюся дорогу мы прошли молча, мне просто нечего было сказать. Что это, глупость, самонадеянность, кровожадность? Хотя... после того, что я устроил в стальных пещерах, сложно это назвать глупостью. Такой паладин-сверхчеловек, как Хильд, может сотнями разбрасывать рахитичных «упырей». Огнестрельного оружия у них нет, явно скатились в средневековье.

Кровожадность? Пожалуй. Но есть ли у меня право осуждать Хильд?

Я до сих пор здесь почти ничего не понимаю. Да и в своём родном мире я мало что понимал в политике. Но истребление целого народа — это, конечно, не политика и это даже не война, такое и ребёнку понятно. Пусть делают что хотят, я в таком не буду участвовать.

На площади перед воротами дома нас ждали четверо копейщиков — и хмурый Игор, перемазавшийся в крови. Надо бы перед ним извиниться.

— Прибрались? — Хильд остановилась перед неровным строем своих бойцов. — Молодцы! Завтра идём в их логово. Сбор тут, к полудню. Отдыхайте. Игор, возьми мешки у Александра.

— Я донесу, скажи только, куда, — я убрал руки с мешками за спину. — И, это, извини за грубость. Чего-то меня занесло.

— Бывает, после боя многие чуют, — Игор махнул рукой, — вот помнится, наш капитан в Нефаримской кампании, сам сопляк, но из благородной курии, как стеной сошлись с альвами — насадил на копьё их офицера, меч выхватил, бился как герой! А после боя трястись начал и на щит блеванул, вот смеху-то было! Так что всякое бывает.

Кажется, у него опять пропал просторечный говор. Но меня волновал вопрос поинтереснее:

— Погоди, Игор, альвы — это кто?

Тот пожал плечами:

— Альвы они и есть, альвы, мерзость ушастая. Бледные, уши длинные, язык чудной, дерутся хорошо, но трусливые. Кампанию-то его сиятельство герцог Азенбург потом проиграл, но не альвам, конечно, змеелюды напали. В тот раз, конечно, наша взяла. Хотя поначалу армия застряла, да что там, чуть сами не побежали! А ты попробуй не побегии, когда посреди холмов в низине оказался, а ушастые со всех сторон обходят, и камни летят. Его сиятельство приказал трубить отступление, а наш капитан и не слышит, всё вперёд давит! Наша рота и не стала отступать, все за командиром, конечно. Чуть не дошли до шатра магов, альвы раньше побежали.

— Игор, так что, эти... альвы — не люди?

Одноногий посмотрел на меня странным взглядом. Он открыл рот, собравшись что-то сказать,

закрыл рот, почесал голову, и наконец родил ответ:

— Мерзость это. Живут по триста лет, а воевать они не умеют. Трусливые. Орден их гонит, как нелюдей, так им и надо. Да и тьма с ними, ты лучше запомни: после боя много кто дурить начинает, даже самые злые рубаки, главное — герцогу щит не изгадить... Пойдём, покажу, куда сумки закинуть. Тебе ишшо поспать надо. Завтра такое будет...

<http://tl.rulate.ru/book/96445/3299217>